

мятников — только так), в настоящее время охвачены, кроме русского языка, еще и белорусский язык («паўціна» — из *«паўтіна»), и украинский («павутина» с вариантами «павутиння», «паутина» и диалектно со старым «павучіна»); таким образом, соответствующая замена старого согласного ч в этом слове, возможно, произошла уже давно (предположить позднюю передачу такого новообразования из одной области восточнославянского языка широкого распространения к другим трудно).

Отклонение в слове «паутина», по всей вероятности, вызвано воздействием на старое «паучина» какого-то слова, близкого к нему по смыслу. Какого именно? Много лет назад в заметке «О слове „паутина“», опираясь на аналогию из словенского языка, я высказал догадку о возможности влияния в данном случае слова «тина».⁴ В настоящее время мне представляется более вероятным допустить воздействие слова, по смыслу более близкого к «паутина», — старого (общерусского?) слова «путина», свидетельствуемого в XII в. «Словом о полку Игоре».

Два замечания об акцентных моментах. Принимая во внимание ударение глагола «путь», серб. «пўто» и подобные указания других славянских языков, с наибольшим вероятием можно было бы думать об ударении «*пўтина».⁵ На «паучіна» слово с таким ударением вряд ли могло бы влиять. Можно, однако, думать, что старое «паучина» еще произносилось, в соответствии с показаниями других славянских языков, с ударением в начальном слоге; ср. серб. «пўчина», словен. rājčina и др. Нынешнее восточнославянское ударение — «паўтіна» и т. д. — со сравнительно-исторической точки зрения является новообразованием, вероятно, обязанным влиянию в свою очередь сместившихся (под влиянием суффикса «-ук», род. п. «-укá» и т. д.) названий паука: русск. «пáук», род. п. «пáукá», укр. и белорусск. «павúк», род. п. павука́» (ср. древнее место ударения в серб. «пáук», словен. rājek).

3

«Един же Изяслав сын Васильков позвони своими острыми мечи о шеломи Литовския; притрепа славу деду своему Всеславу, а сам подь черлеными щиты на кроваве траве притрепан Литовскими мечи. И схотию на кровать, и рек!: дружину твою, княже, птицъ крылы приоде, а звери кровь полизаша».

К этой части текста «Слова», как известно, существует много толкований, ряд которых очень остроумен и безусловно заслуживает внимания. Я уже имел повод высказываться о них⁶ и сейчас не предполагаю возвращаться к этому отрезку текста в целом. Полезно, как мне кажется, теперь добавить по поводу слова «притрепати». Думаю, что моя попытка понять слово в духе того, как его, видимо, понимал автор «Задонщины», была неудачна, и от нее надо отказаться. Традиционное понимание в его основе (ср. «разбить», «сразить» в «Материалах» И. И. Срезневского) ближе к сути дела, и для него можно дать довольно вероятное обоснование. Ко-

⁴ Л. А. Булаховский. Russ. паутина, ukr. павутина. «Spinngewebe» und «Verwandtes» — Zeitschr. f. slav. Phil., VIII, 1—2, 1931, стр. 108—110.

⁵ К типу см. в статье автора «Очерки восточнославянского ударения» (Филологический сборник Киевского гос. университета, № 8, стр. 40—43).

⁶ См. «Слово о полку Игоре»е. Сборник исследований и статей под редакцией чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР. 1950, стр. 152—153, а также: Л. А. Булаховский. 1) О первоначальном тексте «Слова о полку Игоре»е. — Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., XI, в. 5, 1952, стр. 445; 2) Заметки к спорным местам «Слова о полку Игоре»е. — Радянське літературознавство, 18, 1955, стр. 50—51.